

Очерк С. Сахарова

Из Латгальской старины.

КРАСЛАВА

И

ПЛЯТЕРЫ.

Газета «Наш Даугавпилский голос»

№ 53, 54, 55, 56, 57, 58.

1936 год

1

К ОЧЕРКУ С. САХАРОВА
«КРАСЛАВА И ПЛАТЕРЫ»

Историк Краславы не может обойти молчанием, что Краслава является родиной знаменитого скульптора Наума Аронсона.

До 16 лет Наум Львович жил в Краславе в семье своих родителей. В одно лето в Краславу приехал директор Виленской рисовальной школы. Он обратил внимание на талантливого юношу и посоветовал отдать его в училище в Вильне, на что родители охотно согласились. Курс в школе был трехлетний, но уже после двух лет обучения, юный Аронсон вылепил бюст директора так искусно, что все окружающие, а особенно учителя поняли, что перед ними крупный талант и ему посоветовали ехать учиться в Париж.

В Париже молодому скульптору удалось достигнуть крупных успехов лишь путем упорного труда.

Теперь уже повсюду оценили талант Краславского уроженца и его скульптурные работы украшают лучшие европейские музеи и города. Так в Париже на площади Согласия стоит фантастическая работа Н.Л. Аронсона. Его же работы – памятник Пастеру в Париже. В Германии в Бонне, Аронсон создал памятник Бетховену. В Бельгии, в Англии и даже в далекой Америке много работ талантливого скульптора.

В России его резцу принадлежат бюст артистки Комисоржевской, поставленный в Александринском театре и памятник на его могиле в Александро-Невской лавре. Русская академия художеств еще до революции приобрела несколько скульптур Аронсона.

Сам скульптор уже более 40 лет живет в Париже, но до 1906 г. когда мать и отец были еще живы, он ежегодно приезжал в Краславу и конечно, кое-что привозил из своих работ и кое-что делал из местного материала у себя на родине.

После мировой войны, в годы революции, произведения Аронсона, оставшиеся в доме родителей аронсона были спрятаны Вейсами, как самыми близкими людьми в семье Аронсона, дедушка Вейсов служил у деда скульптора, а потому уцелели до настоящего времени. Хранятся они в маленьком, старом, вросшем в землю покосившемся домике Вейсов по Студенческой улице. Название Студенческая улица произошло от существования в Краславе католической духовной семинарии с 1757 по 1842 гг. Воспитаники этой семинарии называли себя студентами и дали название этой маленькой улице. Местные жители не помнят, где именно жили эти студенты. Благодаря нападению на этой улице почты, она летом 1936 г. приведена в порядок, перемещена и устроены тратуары с снесенным лишним крыльцом и балконами. На маленьком камоде в низеньком зальце стоят редкой красоты детские головки из гипса. На левой стороне висят маски из глины, а в темном углу около двери стоит на деревянной

подставке первая работа Аронсона – плачущий Краславский школьник. Над мальчиком висят два овальных барельефа мрамора. На одном скульптор изобразил своего отца и мать, на другом себя и двух своих братьев.

Было бы своевременно теперь, когда поднят вопрос о создании городского музея в Краславе, принять меры к приобретению этих ценных художественных произведений Аронсона из частных рук в ведение города в помещение их в городском музее.

Очерк составлен в 1936/37 гг. Приблизительно, как на рукописи не указана дата, а все остальные, находящиеся в папке, рукописи дотированы С.Сахаровым 5 января 1938 года в г. Риге.

КРАСЛАВА И ПЛЯТЕРЫ

Происхождение названия города. Польские графы – немецкие выходцы. Старейшие здания.

Кто не знает или по крайней мере не слышал в Латгалии старинного города графов Броаль-Плятеров, Плятеров-Зибери или просто Плятеров.

На фоне довоенного, помещичье-усадебного быта эта фамилия польских магнатов особенно выделялась и, несомненно, была самой популярной среди различных слоев Латгалии, особенно крестьян Даугавпилского уезда.

Я служу у графов... Я поеду на мельницу графов... От графа арендовал застенки... Купил лесу и т.д. – так обычно говорили крестьяне, интересы которых тесно переплетались с графами-владельцами обширных поместий. Ведь в руках многочисленного рода Плятеров была значительная часть Даугавпилского уезда, их владения были в Илукстском уезде, Литве, Польше.

Им же в течении почти двухсот лет принадлежал самый красивый и любимый туристами уголок Латгальской швейцарии – Краслава.

Само название Краслава, Краслаука, Краславка, Креславка, Креслав, Краслав – имеют несколько объяснений:

- одно произошло от от латгальского слова «кресле» / латышского kresls/ стул или объясняют это тем, что рельеф изгиба Даугавы около Краславы напоминает собой стул и что здесь «садились» много плотов на так называемые «быстики» или мели.
- Некоторые объясняют слово Краслава латышским словом «кресла» – сумерки, в том смысле, что не только в старину, а так же в сравнительно недалеком прошлом около Краславы было много лесов, особенно на живописных берегах Даугавы. И от

этого побережья местности были погружены всегда как бы в сумерки.

- Другие же производят название Краслава в различных его вариациях от старо славянского языка полоцких кривичей, которым был хорошо известен район нынешней Краславы в отдаленные времена которые называли изгиб Даугавы «Красная Лука», точно также слово Краслава производят от других слов древнего языка кривичей «красный»-красивый и «лава» – скамейка т.е. красивое место, а то просто производят от слова «кресло» – краса, в смысле живописного уголка природы.

Краслава, как укрепленный и населенный пункт существовал уже в седую старину. Об этом свидетельствуют две замковые горы: одна на самом берегу Даугавы в 2 км к западу от города, а другая под названием «Шоколадная горка» – в одном км к северу.

В середине века при завоевании южной Латгалии эти замки были разрушены полочанами. По сохранившимся известиям и рассказам, Краславку в свое время (X век) владела и здесь жила полоцкая княжна Рогнеда Горислава (от имени Горислава тоже производят название Краслава), в последствии вышедшая замуж за Киевского князя Владимира. По преданиям сохранившимся среди местных жителей, местом, где жила Рогнеда указывают нынешнюю театральную горку, на которой сохранились руины стен. В позднее время, при Платерах, здесь была, так наз. «стадола» т.е. большой амбар для склада хлеба. В этом помещении устраивались театральные представления и увеселения для народа и графских гостей, от чего и горка, и улица, ведущая к ней, получили название «театральной».

В Краславе все связано с именем Плятеров, начиная от массивного костела, стильного графского замка, окруженного роскошным парком, и кончая городскими стенами в средневековом духе, гостинным двором и древонасаждениями.

Новая Краслава не понятна для туристов без старой Плятеровской. Происхождение графского рода Плятеров теряется в немецком средневековье. Несомненно только, что он тогда уже играл видную роль в ордене меченосцев. Вместе с грозными тевтонами предки Плятерского рода пришли в Латгалию из Востфалии /Германии/ Здесь они осели и настолько оклиматизировались, при позднейших владельцах Латгалии – поляках, что забыли свое немецкое происхождение, восприняли польскую культуру, усвоили пышность польской знати и их дворцы «палацы» стали средоточием общественной жизни аристократии Латгалии.

Свое влияние Плятеры в Латгалии распространяют постепенно, начиная с небольшого поместья в Индрице, пока, наконец, граф Людвиг фон дем Броель – Плятер, староста Фифляндской и динабургской в 1729

году за 14000 талеров не приобретает местечко Краслава с обширными угодьями и непроходимыми лесами пространством около 60000десятин. Людвиг Плятер из индрицы переносит свою резиденцию в Краславу, где уже в то время было 47 дворов. Среди них самыми старыми постройками были гостиница «Ливония», где окресные помещики часто устраивали так наз. «радуты» т.е. съезды-балы, и где теперь помещается латышское общество кино, затем две корчмы на переезде через Даугаву, склады-амбары для хлеба на берегу Даугавы в которых сейчас находится электр. Станция, конно почтовая станция- рядом с нынешней пожарной командой

Живым свидетелем переходя Краславы в руки Плятеров является громадных размеров камень, который сейчас лежит в конце предместья Краславы «Августовка» и на котором высечен год приобретения Плятерами Краславы – 1729 год и их фамильный герб. Ян – Людвиг Плятер, проживший начало застройки Краславы /при нем, как предполагают, были построены аптеки – нынешняя аптека Бонина, докторат с гостиницей Ливония и окресное помещение, известное в народе почему-то под именем КОЗА, около моста через р. Краславу-по адресу Ригас 31/ является не только старейшим среди членов графского дома, но и был по своему времени человек образованный, обладал даром слова и писал стихи на латинском языке

Интересно здесь отметить, что в младшем поколении Плятеров было несколько членов, которые занимались писательством, из них выделялась поэтесса Людвиг Плятер, стихи которой были изданы на французском языке.

МАГДЕБУРГСКИЕ ПРАВА КРАСЛАВЫ.
РАСЦВЕТ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.
АРХИТЕКТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ.
ПОДЗЕМНЫЕ ХОДЫ.

Людвиг Плятер умер в 1737 году. На долю его сына Константина, старосты Граверского, а затем воеводы Метиславского и каштелена Троцкого, падает самый цветущий период жизни старой Краславы. Это был человек широких замыслов и большой энергии. У него созрела мысль превратить Краславу в крупный центр Инфлянского княжества, тем более, что Краслава находилась на большом почтовом тракте Рига-Москва.

И вот в этих целях К. Плятер проезде всего добивается от польского короля для Краславы магдебургского права, которое давало свободу торговле самоуправлению.

Затем он в центре Краславы разбивает обширную площадь (в северной части этой площади в старину было кладбище, т.к. при постройки домов здесь часто находили человеческие кости), на котором воздвигают

двухэтажное здание ратуши с вывеской «вежей» т.е. башни с часами. Сейчас в этом здании помещаются лавки, а башня была разобрана при ремонте в 1891 году. Поставил бургомистра, построил гостинный двор и несколько деревянных и каменных домов для жилья, а затем выписывает ряд производств. Прием же в Краславе впервые появляются евреи, для которых он в 1764 году построил большую каменную синагогу – старейшую в Латгалии.

Краслава в это время славилась своими коврами своего изделия, бархотом, сукнами, ситцем, золотымит и серебрянными изделиями. Был кафельный завод и керамический на острове р. Краслава. Краслаовские кафли, как прочные и красивые, расходились по всему Латгальскому округу. Были пивоварни и спиртоочистительные заводы, была также «пукровня», т.е. завод для выделки сахара.

1755-67 гг. К. Плятер по плану итальянского архитектора Порокке украшает Краславу зданием костела в стиле Ренессанса (прежний деревянный костел был перенесен в имение Комбули) при нем обширное двухэтажное здание для католической духовной семинарии и для служанских костела-кляштор.

Краславский костел, благодаря щедрой поддержке Плятеров отличается богатством убранства и художественной живописи. Так за главным алтарем помещена картина работы известного польского художника Яна Мотейко и Красковского профессора Яблонского «Отправление Святого Людовика в крестовый поход»

В Краславском костеле, в особой каплице, построенной на средства жены Константина – Августы, хранятся реликвии святого Доната, привезенные К. Плятером в 1778 году из рима. Т.к. Плятеры над речкой Краславой воздвигает специальное здание-дворец для своего сына Теофила, рыцаря Малтийского ордена, в котором была помещена и обширная Плятеровская библиотека (около 20 000 томов). И, наконец, венцом его строительной деятельности в последние года жизни начато начало стройки для себя нового красивого замка.

Но смерть (в 1778 году) прервала работу. Заканчивать и отделывать замок пришлось уже его сыну Августу. Он же являлся продолжителем застройки Краславы в духе отца и по его имени одно из живописных предместий Краславы названо Августовкой..

Вокруг замка (он был закончен только в 1791 году) был разбит роскошный парк с искусственным прудом, гrotами, цветниками, оранжереями, в которых выращивались виноградные, абрикосовые и др. тропические растения. Этот парк, пространством в 22 га, обнесен высокою, толстою, каменной стеной.

Говоря о застройке Краславы нельзя не упомянуть, что на средства Августины, жены К. Плятера, была построена, рядом с костелом в виде буквы «П» двухэтажное здание госпиталя в 1789 году. Госпиталь

находится под надзором монахинь-сестер милосердия ордена иезуитов. Этот госпиталь-монастырь существовал до 1864 года, после чего здание было передано в распоряжение частей войск, для нужд которых было в 1865 году устроена военная православная церковь. В 90 гг. XIX столетия это здание было передано в собственность Краславской православной церкви и часть здания за негодностью пришлось полностью разобрать. Теперь осталась только одна часть с фасадом на улицу.

Интересно отметить, что от этого старинного здания идут подземные ходы в трех направлениях: один ведет к замку, другой к костелу, и третий к Даугаве. Еще до 1914 года эти ходы были доступны, некоторые красавицы спускались в них, но далеко не могли проникнуть из-за спертого воздуха и тесноты самого входа: нужно было идти в полусогнутом положении. В народе говорят, что по направлению к графскому дворцу в подземном ходе есть две железные двери за которыми хранятся спрятанные богатства. Пока же эти ходы остаются неисследованными и ждут детального научного осмотра.

е
ВОЕННЫЙ ГОРОДОК ОТ КОТОРОГО НИЧЕГО НЕ ОСТАЛОСЬ.
РЕЗУЛЬТАТЫ РАСКОПОК - В ИНОСТРАННОМ МУЗЕЕ.
РОМАНТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ НЕУДАВШЕГОСЯ ДВОЙНОГО
САМОУБИЙСТВА.

С переходом Краславы к России по первому разделу Польши в 1772 году она становится пограничным пунктом. Здесь устанавливается кордон, открывается таможенная контора и промышленность начинает падать. Зато много оживления в Краславскую жизнь внесли постоянно стоявшие здесь в 30-40 гг. 19 столетия части русских войск, т.к. в 40 гг. 19 столетия в Краславе подвижной запасной парк третьей гренадерской артиллерийской бригады, затем кашинская дружина государственного подвижного ополчения, Владимирский и Островский полки, первая резервная артиллерийская боигада и, наконец, перед войной 1914 года – два понтонных батальона. Для постоя войск Плятерами был построен в конце ул. Виенибас (бывшей Полоцкой) целый военный городок с казармами, провиантскими складами, госпиталем и т.д.

От этого многолюдного городка (в Краславе войск стояло до 4 000 человек) и следа не осталось, все разобрано, сожжено и уничтожено за последнее время войны и революции.

Жизнь в графских палатах с переходом Краславы к России мало изменилась: балы, охота, и прочие развлечения были постоянными. Один

случай обвеял эту жизнь романтикой. Он относится к 1838 году. Владельцем имения Краслава был в это время граф Адам Плятер. Это был человек науки, он любил свой край, изучал его, производил археологические раскопки и различные расследования окружающей среды. Плодом этого было два труда: 1832 г.- он напечатал «Исследования», геологический обзор польских инфлянд, а в 1861 г. В Вильно им была издана книга «Гидрографическо-отгистическое описание Двины и рыб, живущих в ней», причем он сделал специальную зарисовку рыб в особый альбом.

Там же при археологических раскопках на берегах Даугавы найдено около 30 молотов, секир, а также много бронзовых и серебрянных изделий. Все эти находки, по рассказам были отправлены в музеи Варшавы и Вильны.

У графа Адама Плятера еще ода симпатическая черта-это его уважение к другим религиям и национальностям. Так, когда в 1839г православные люди Краславы и ее окрестностей сорганизовались в отдельный приход, но не было средств на построение храма, А. Плятер пожертвовал для устройства 12 каменных лавок в центре местечка. Эти лавки были приспособлены для церкви, которая была освещена 20 февраля 1840 года.

С именем одной из дочерей графа А.Плятера связана трагедия 1838 года, которая по рассказам местных сторожилов представляется в таком виде.

На один из наших графских балов приехал из имения Эзермуйжа Лудзенского уезда 30-летний помещик-офицер (по другим версиям студент) Иосиф Карницкий. На молодого помещика большое впечатление произвела одна из дочерей графа – Эмилия. Эмилия отвечала взаимностью. Казалось, счастье было близко, но, как это водилось в старину, родители подискали для своей дочери более знатного жениха. Был уже назначен день помолвки. Карницкий и Эмилия в отчаяние решили покончить собою одновременно: она должна была броситься с верхнего этажа замка, а он, по данному ей сигналу-застрелиться. Но когда Эмилия вышла на балкон, сделала условный знак Карпицкому, и готова была уже броситься вниз, следившие за ней (она была нервно возбуждена от переживаемого) задержали ее, а Карницкий застрелился. На месте своей трагической гибели на Августовке, на возвышенной опушке леса, он был похоронен и там поставлен чугунный памятник, хорошо сохранившийся до настоящего времени. На одной стороне памятника на польском языке сделана надпись: Иосиф Карницкий, родился 27 февраля 1808 года в Эзермуйже, покончил жизнь в 1838 году с третьего на четвертое августа в Краславке «Боже, прими слугу твоего по милосердию твоему» (псалм 118 стих 124). На другой же стороне : «Не судите, да не судимы будете. Прощайте и Вам прощено будет» (Еванг.от Луки 6 стих 37)

Краславцы окрестили этот памятник памятником Любви. Тропа к нему никогда не зарастет, около памятника чьей-то заботливой рукой посажены молодые деревца, а улица к памятнику и теперь сохранила свое название – улица Карницкого.

Карницкий перед смертью завещал, что, если в час его смерти или в ту же ночь кто-нибудь родится в Краславе, то выдать ему 300 руб золотом, а если мальчик, то назвать Иосифом. Как раз в ночь его самоубийства в семье одного тогдашнего мещанина родился сын, которому дали имя Иосиф и родители которого получили для сына завещанный по тому времени дар жертвы несчастной любви. Это нам рассказал здравствующий и сейчас в Краславе племянник Иосифа ГИРДЕ – 70-летний Игнат Герле. К этому И. Герде добавил, что кроме 300 рублей в пользу его дяди было завещано и часть имения Карницкого, но это было скрыто. Само собой понятно, что больше всего воспоминаний сохранилось о жизни последних Плятеров перед войной 1914 года. Ведь живы еще многие свидетели графской жизни, много интересного они рассказывают.

КРАСЛАВА – ЛЕЧЕБНЫЙ КУРОРТ.
ШЕСТЕРО СТАРЫХ ДЕВ.
ПОСЛЕДНЯЯ ЧЕТА ПЛЯТЕРОВ.
ФАЗАНЫ ФЕРИЛ.

Последней владелицей имения Краслава была Мария – дочь Эдуарда Плятера, который во время польского восстания 1863 года выехал за границу, как говорят, для лечения своего пошатнувшегося здоровья и там вскоре умер. После смерти отца Мария осталась одна, когда ей было 2 года (рождена в 1862 .) И ей был назначен опекун в лице ее дяди графа Евгения Плятера, жившего здесь же, в предместьи Краславы «Комбульки», который сейчас вместе с мельницей принадлежат Яну Рубулю. Граф Евгений мало интересовался хозяйственными делами обширного имения. Нельзя здесь не упомянуть, может быть, о его единственном хозяйственном проекте – попытке создать в Краславе лечебный курорт. Как известно, в пяти км от Краславы в местности, называемой «Лазенки» находится серно-железистый источник. Граф Евгений, учитывая живописную и здоровую местность Краславы решил использовать источник для лечения. С этой целью в самом начале 70-х гг. XIX столетия он устроил около источника ванное заведение, разбил здесь небольшой парк и рекламировал Краславу как курорт. И действительно, Краславский источник посещало значительное число пациентов не только из ближайших местностей, но и отдаленных, например, Петрограда. В течение сезона готовилось около 1000 ванн с платою по 30 и 50 копеек. Приезжали сюда не только для лечения, но многие, особенно люди

среднего достатка, просто для отдыха в красивой местности, где и лес близко и купание тут же.- в Даугаве, и жизнь дешевая.

Ванное заведение преуспевало недолго, около 20 лет. Новый владелец- граф Густав Плятер его не поддержал (говорят, что было произведено исследование источника, и в нем оказался небольшой процент примеси минеральных веществ, а следовательно, и малое целебное св-во), и заведение приходит постепенно в запустение, а в 1900 году совсем ликвидированно.

Сам же граф Евгений, как последователь францисканского духовного ордена был весь во власти религиозных настроений и исканий. При нем был устроен приют для бедных и больных- специальная богадельня. Очевидно, в атмосфере такой религиозности графа Евгения, шло и воспитание несовершеннолетней графини Марии. Свою набожность он передал и своим шести сестрам, жившим вместе с ним. Ни одни из них не вышла замуж якобы по религиозным мотивам, хотя у некоторых и были женихи. Наконец «палацовой» графини Марии пришло время выходить замуж- ей исполнился 21 год. Она была миловидной девушкой. По отзывам знавших ее в те годы, и у нее было несколько женихов из знатных фамилий, например Граф Вельмовский, князь Радзивиллов и др. Но так и Мария после смерти отца была единственной наследницей громадного имущества, которое, согласно, строгих установившихся традиций в графском роде, должно было переходить в руки лиц только с фамилией Плятеров, то она должна была предпочесть отдаленного родственника из этой фамилии-графа Густава, жившего в Польше.

Густаф и Мария были последними владельцами имения Краславки с 1883 по 1918 гг.

Еще и теперь многие из краславчан живо помнят высокого худощавого «палацовского пана», прозванного «венгром» за его оригинальный костюм, похожий на венгерский. Не особенно полюбивали краславцы графа Густава. Слишком он был, по их мнению, мелочный и скупой. Вот наступает лето, и краславцы тянутся в графские леса за грибами, ягодами, а беднота и за хворостом. И вдруг встречает их в лесу знакомая фигура графа с ружьем на плечах. Сейчас же спрашивал разрешение /оно выдавалось за особую плату в канцелярии имения/ и, если такого не оказалось, то записывал фамилию, выгонял из лесу и штрафовал.

Но зато Густаф был хозяйственником и с большими коммерческими способностями, хотя по образованию был инженером-механиком одного из бельгийских университетов. О его хозяйственных способностях говорит уже одно то, что до него в имении Краслава обрабатывалось 135 десятин, а он сумел площадь обрабатываемой земли довести до 400 десятин, а соответственно с этим и увеличил кол-во рабочих и количество скота и хозяйственного инвентаря. Он же в своем имении устроил разведение фазанов. Был выписан из Силезии специальный «фазан/ мейстер»

Окресности имения были засеяны барабарисом, как лакомой пищей фазанов. Фазанов было 500-600 штук. Когда съехавшиеся «паньы» устраивали охоту, то птицы разлетались в поисках спасения по всей Краславке, забивались по дворам. Фазанное заведение графа Плятера было известно в России настолько, что являлось «поставщиком» двора его императорского величества и отсюда по заказу фазаны часто отправлялись в Царское село на Гатчину, высылались фазаны в Крым, в знаменитое имение Фалыц-Фейнаи на кавказ, наместнику графу Воронцову-Дашковлу. Граф Густав интересовался всеми деоами имения, знал каждый уголок своих владений и отличался сравнительною по тому времени доступностью для крестьян.

В частности граф Густаф был веселым и остроумным собеседником, но со стороны местных Плятеров он не пользовался расположением, особенно за то, что установил твердые границы своих и их владений и не допускал нарушения их. Отношения были настолько натянуты, что Густов кроме официальных случаев не бывал у соседних Плятеров. Жена графа- Мария, отличалась отзывчивостью к нуждам бедных людей и была очень трудолюбива: графиня вышивала, рисовала, выжигала на коже, любила ухаживать за цветами. У нее была и некоторая фамильная религиозность: например, в течении всего месяца мая она со своими приближенными каждое утро ходила молиться в грот, находившийся тут же в парке, против Палаца, где стояла статуя Божьей матери. Любила графиня путешествовать и со своим мужем исколесила всю Европу по несколько раз. Но в своей жизни, по наблюдению служащих, она была неособенно счастлива, очень ее, по видимому, тяготило как женщину и то что ее брак был бесплоден. Одна из бывших служащих графини рассказывает, как она однажды зашла в будуар графини и застала ее в слезах. На вопрос, почему графиня плачет, последняя откровенно сказала: «Не думайте пани Марыля, что в палаце всегда счастье, много и нам приходится переживать тяжелых, незаметных для других, минут горя.»

Действительно не одни только розы, но и шипы сопровождали жизнь Плятеров, а над некоторыми из них, прямо тяготел какой-то рок. Так у владельца соседнего с Краславой имения Кумбули графа Михаила Плятера было пять братьев, из них один утонул в кумбольском озере, второй Казимир⁹ возмущенные чем-то крестьяне, изрубили во время польского восстания, а третий Леон был по приказу графа Муравьева расстрелян в 1863 году в Даугавпилсской крепости во время того же польского восстания.

Интересно точно также в этом отношении судьба последних владельцев Краславы. Они были, безусловно, богаты. Густаф имел в банках около миллиона наличных деньгами в тогдашней золотой валюте. Имение, благодаря его хозяйственным способностям, не было обременено никакими долгами, так что в 1910 году военный министр Ванновский

предлагал Плятеру за Краславу два миллиона золотых рублей. Кроме того графом Августом были переданы два имения: в 1912 году в Видземе-вещ-Лейбцен и в 1914 году в Курземе, в Талсинском уезде Лубен-Ошен. Но война и революция разорили его и столько принесли ему неприятностей, что он должен был во время большевиков спешно покинуть Краславу, переселился в Риге и там умер в 1923 году, в полной нужде. Вдове графа, Марии из Краславского имения была присуждена часть земли в 52 га в фольварке Русаки. Но она землю ликвидировала, ровно как и продала принадлежащие ей в Краславе торговые ряды и уехала доживать свою старость, остаток своей жизни в столицу Испании- Мадрид.

Нужно заметить, что в Испании у Плятеров были прочные связи, они ежегодно на осень и зиму уезжали туда, там занимали даже почетные должности при испанском дворе. Одно время у них была возможность купить себе на острове Майорке поместье или же дом в Мадриде и переселиться совсем туда, но наступившая война в 1914 году разрушила их планы. В 1928 г. Графиня Мария, в возрасте 66 лет, приезжала в Краславу посмотреть свое старое дворянское гнездо. Но здесь уже она застала новую жизнь: в палацах шумел рой молодежи- там помещалась государственная гимназия. То же она увидела в трехэтажном здании Платерской библиотеки (Сама библиотека была расхищена в переходное время 1917-1919гг/), где нашла себе приют основная правительственная школа. На мельнице и в других домах она увидела всюду новых людей и новую жизнь.

Кто знает, что она пережила в этот момент... Несомненно, с грустью покинула она свое родовое поместье, где так много было пережито и светлых и печальных дней, где всюду витал дух ее предков и, подобно тургеневскому герою из «Дворянского гнезда» Лаврецкому, она с чувством глубокой примеренности могла бы воскликнуть, обращаясь к себе: «Здравствуй, одинокая старость! Догорай, бесполезная жизнь!». а обращаясь к молодежи, наполнившей графский дворец, сказать: «Играйте, веселитесь, растите молодые силы. Жизнь у Вас впереди, вам будет жить...»